

«Свои» – не значат «наши»

ПЕРЕКЛЮЧАЕМ КАНАЛЫ

уровый пафос и стиль Страстной недели обязывали и на ТВ искать сюжеты серьезные. Я и искал. Но, увы, публицистические послысы ток-шоу на сей раз вдохновляли слабо. В сухом остатке остались поэтому почти исключительно кинофильмы. В самые ответственные, предпасхальные дни кинопоказ был очевидным образом концептуализирован. Фильмы шли не простые, а выражающие то, что телевизионщики хотят сказать народу. Фильмы-послания, мессиджи, как принято теперь говорить. (Правда, некоторые каналы отнеслись к этой задаче безответственно, поэтому я буду опираться только на декларации трех практически государственных каналов – «России», Первого и НТВ.)

Мессидж Первого: «Свои». Выбор почти безупречный. Фильм Дмитрия Месхиева получил главный приз Московского кинофестиваля-2004. И он дает такое высокое, концентрированное качество жизненной правды, которое не снилось некоторым другим недавним кинолентам про старые и новые войны («Звезда», «9-я рота» и т. п.). Не казалось, что такую жестоко драму сильных чувств у нас еще никто не снимет и не сыграет. Что актрисы уже не умеют любить взглядом, а актеры (мужчины) разучились мыслить скурым жестом и рыдать от избытка сострадания. Я ошибся. Анна Михалкова и Наталья Суркова чрезвычайно в сообщении женской эти напоминают о русских женщинах в кино 60-х, например, Зинаида. Богдан Ступка просто некален в понимании жизненной сути и в умении передать значительность человека. Герой Сергея Гармаша рыдает после гибели товарища.

У Месхиева, судя по его фильму и интервью, были две

идеи. Первая: жизнь гораздо сложнее, чем кажется идеологам и схоластам. «Понимаете, если, не дай бог, завтра – война, как мы будем в этом жить? Как мы будем на все это реагировать? Кто из нас будет героем, а кто – трусом и предателем? Сказать очень сложно. И если вдруг встанет такой вопрос: что лучше – пойти в услужение к немцам или сдать им в плен своих детей – кто и как поступит в этом случае? Неизвестно».

Вторая: все люди – братья. По крайней мере русские люди. «Свои здесь все, кроме немцев, – предатели-полицаи, беглые пленные, жители деревень, старосты. Это не «наши», а именно «свои». Какими бы они ни были, все равно они «свои». Знаете как: «Своя рубашка ближе к телу». Это главное, а как там несет их жизнью, что они делают – это второе. Они могут ошибаться, и жестоко. Праведников вообще нет. Но это не повод забывать об исконной братской связи...

Сказалось в фильме и другое. Хаос и бред русской души,

ее неизбежность – и неспособность органично совпасть с историческими обстоятельствами. Человек не создает свое будущее, не творит историю, а живет, как Бог на душу положит. Живет страстями, порывами и потому легко попадает в ловушку обстоятельства, когда не принадлежащая ему история напоминает о себе (скажем, вражеским нашествием). Русский героизм – героизм отчаяния, героизм человека, загнанного судьбой в угол. Ему уже почти нечего терять, кроме самого себя. Кроме самых близких людей. Поэтому ему остается только победить.

Мессидж «России»: дилогия Николая Достала «Облакорай» и «Коля – перекасти поле». Про то, что в безгеройные, внеисторические времена русский человек сгорает, сгнивает на корню, стирается в пыль. Одни пьют, другие спят. Женщины еще держат форму и даже отчего-то становятся, старея, лучше, мудрее. Мужчин жизненный опыт просто изнашивает. Идут годы, а жизнь стоит. Как стоят неизменными общарпанные типовые дома-кирпичи, эти главные памятники нашей цивилизации.

У них нет мечты. Есть только скучное настоящее, которое со временем начинает казаться очень даже неплохим прошлым. Они неуверенно радуются. Они хороши, когда страдают. У них глаза на мокром месте. Они живут чувствами. Но их чувства идут по кругу и никуда не ведут.

Они не столько живут, сколько говорят о жизни. Не меняют, не создают, откладывают поступки, делают паузы, пьют чай. «Сидят на печи». А жизнь течет самотеком, без руля и без ветрил. Они истасканы судьбой.

Все, кроме, пожалуй, главного героя, Коли (Андрей Жигалов), который когда-то вырвался из этой рутины и бодяги. И теперь, вернувшись, он и сам себе кажется инопланетянином, иностранцем на автомобиле с рулем, расположенным справа.

Каким бы ни был этот Коля, но у него-то есть опыт жизни, есть события и поступки. Но не здесь, не на этой земле, а где-то в чужих морях и океанах. Русский человек сбывается в странствиях, на чужбине. И пропадает, вянет на корню среди тех самых милых, трогательных и жалких «своих», которых воспел Месхиев.

В финале Коля без оглядки убегае от этой судьбы. Парадокс? Еще бы. Один критик написал так: «Очень радостно становится за Колю, когда тот бежит к автобусной остановке, оставив в городишке свое прошлое. Все, что можно было там увидеть, уместилось в один насыщенный день. Но больше всего хочется верить, что пока Коля бежит, он счастлив».

Мессидж НТВ: «Страсти Христовы» и «Гуд бай, Ленин!».

Первый – о вечном. Много спорили о фильме Мела Гибсона. Но если не требовать от автора полноты в передаче смысла евангелий (что в принципе едва ли возможно), то нужно признать: в этой картине есть потрясающая правда.

Второй – все о том же: как человек ищет и находит себя в истории, как он пытается строить свою судьбу. Кинолента о людях из бывшей ГДР. Сын хочет помочь больной матери: она была активной коммунисткой, и теперь, когда уже не выходит из

дома, пусть-ка она лучше не знает, что ГДР больше не существует. Чтобы не травмировать психику. Этот систематический, по-немецки старательный обман работает. История остановилась в одной отдельно взятой квартире. Но! Вот здесь хочется обозначить различие между немецким фильмом и нашими лентами. Жизнь, ее движение, ее динамика сильнее, чем попытки сохранить душевный комфорт. И оказывается, что люди живут не только поражениями, но и победами.

Именно как поражение (или как плата за поражение, за грехи прошлого) интерпретирован советский опыт существования в замороженной стране. А победы – это реализация воли к свободе и любви (долгой вашу Стену!). Это фильм о том, как расстается с прошлым, как умеют начинать жить заново. Даже в канун смерти.

Был на НТВ и третий мессидж. Он связан с верой и Церковью, а значит, тоже актуален в эти праздничные дни. Ведь христианский праздник – это не возлияния и обжорство. Это особое, наиболее прямое предстояние человека Богу.

Итак, фильм «Ангел Русской церкви против отца всех народов». О митрополите Сергии Страгородском. Ангелом он назван здесь потому, что спас Православную церковь от уничтожения тем, что пошел на диалог с советской властью...

Тема эта болезненная. Много в ней рискованного и соблазнительного для христианской совести. Я уже писал об этом и в «СК», и в предисловии к книге «Святые Ярославля». Поэтому здесь замечу лишь одно.

Митрополит, а потом патриарх Сергей активно занимался политикой. Даже не будем уточнять сейчас, как и какой. Достаточно сказать: строил союз с властью.

И вот наши дни. И вот другой Сергей, священник из города Краснокаменск Сергей Таратухин, лишен сана. Это исключительное по суровости наказание. У него очень мало прецедентов. По сути, отец Сергей решением епископа Читинского и Забайкальского Евстафия наказан за один или два поступка, которым придано политическое значение: Сергей, в молодости отбывавший тюремный срок «за антисоветскую агитацию», назвал политическим заключенным Михаила Ходорковского и отказался освятить административное здание в колонии.

Я не обсуждаю высказывания священника. Я только напоминаю, что нынешние наследники патриарха Сергея тоже не стесняются политических жестов, но в весьма узком диапазоне. Не припомню, чтобы наши ведущие клирики публично поправили власть, которая за последние 15 лет наделала кучу ошибок. Зато очень назойливо на ТВ подчеркивается близость архиереев к сегодняшней власти. Так сказать, единение душ.

Выражусь дипломатично: если есть во всем этой логика, то эта логика не слишком выигрышна для авторитета Церкви. Не расходуется ли этот накопленный веками служения, гонений, духовных подвигов авторитет на мелкие нужды текущего дня?

Как раз подходящий момент, чтобы подумать и об этом.

Евгений ЕРМОЛИН,
профессор ЯГПУ.